

У колыбели Северо-Восточной Руси

академик Н.А.Макаров

Институт археологии РАН (Москва, Россия)

Три с половиной сотни средневековых селищ (к настоящему времени выявленных и обследованных экспедицией Института археологии РАН в Суздальском Ополе) — это самый крупный региональный массив древнерусских неукрепленных поселений, который документирован по современным методикам археологии. Изучение этих памятников, их хронологии и пространственного распределения проясняет многие неясные аспекты ранней истории Северо-Восточной Руси, раскрывает своеобразие расселения на территории ее основного исторического ядра и дает возможность надежно реконструировать динамику его освоения в конце 1-го — первой половине 2-го тысячелетия н.э.

Ключевые слова: средневековая Русь, средневековые сельские поселения, археологические разведки, системы расселения, культурные ландшафты, Суздальское Ополе, динамика колонизации, социальная элита, властные отношения.

Археология «негородской Руси», которая ориентирована на изучение неурбанизированных поселений и культурных ландшафтов, в последние десятилетия демонстрирует растущие возможности в обновлении исторической картины русского Средневековья и создании более достоверных реконструкций экономической жизни и социальных трансформаций прошлого. Неудивительно обращение исследователей к остаткам сельских поселений, к материальным следам средневековой сельскохозяйственной деятельности и к проблемам пространственной организации «сельского мира» на Русской равнине. Оно отражает общий интерес европейской археологии к сельским поселенческим структурам и культурным ландшафтам второй половины 1-го — начала 2-го тысячелетия н.э. как к реальной «почве», из которой выросла средневековая Европа и которая вплоть до начала Нового времени во многом питала и направляла ее развитие. Одно из свидетельств успехов этого направления — 11 томов трудов международной ассоциации «Ruralia», в которых собраны важнейшие публикации по различным аспектам археологии средневековой европейской деревни [1]. Российская археология сделала значительный рывок в изучении сельских поселений и культурных ландшафтов на Русской равнине в 1980–2000-х годах. Именно в те десятилетия были составлены археологические карты, документирующие системы

Николай Андреевич Макаров, академик, доктор исторических наук, директор Института археологии РАН, вице-президент РАН. Область научных интересов — средневековая археология, история средневековой Руси, стратегии сохранения археологического наследия. Основные исследования посвящены средневековому расселению в центре и на севере Русской равнины, поселенческим структурам и культуре Северо-Восточной Руси.
e-mail: nmakarov10@yandex.ru

сельского расселения в различных регионах Руси, и произведены раскопки некоторых эталонных поселений, раскрывающих исторический облик и хозяйственный базис средневековой деревни [2, 3]. Тем не менее «негородская Русь», материальные следы которой часто находятся в нескольких часах езды от современных мегаполисов, во многом еще остается для археологов белым пятном, а информационный потенциал ее памятников серьезно недооценивается.

В 2001 г. экспедиция Института археологии РАН начала планомерные поиски и обследования средневековых поселений в Суздальском (Владимирско-Юрьевском) Ополе на холмисто-увалистой возвышенности между реками Клязьмой, Нерлью и верховьями р.Селекши с особыми экстраординарными ландшафтами. Ополе известно как безлесная территория с растительностью лесостепного облика, в ней развиты темноцветные почвы с мощным гумусовым горизонтом (народное название «юрьевский чернозем»). Эта терри-

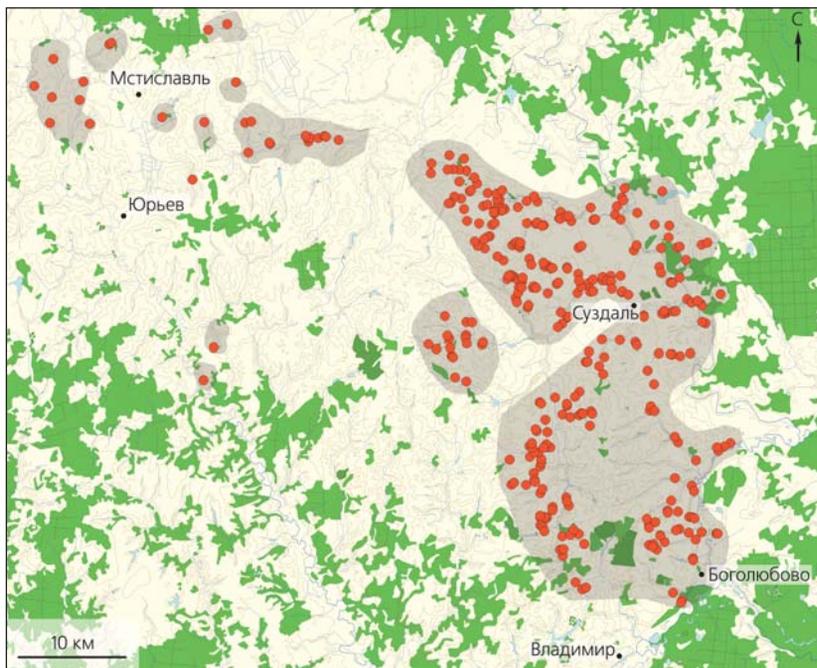
тория резко контрастирует по своему характеру с окружающими ее лесными районами, характеризующимися малопродуктивными дерново-подзолистыми почвами. Представление о том, что Ополье издревле притягивало к себе земледельческое население, утвердилось в исторической науке еще в XIX в., несмотря на отсутствие в письменных источниках каких-либо сведений, которые можно использовать для оценки уровня сельскохозяйственной освоенности этой территории в домонгольскую эпоху. В полевых работах, начатых мной и моими молодыми коллегами в 2001 г., мы первоначально ставили перед собой скромные задачи: получить представление об облике и характере средневековых сельских поселений на землях, которые с исторической точки зрения правомерно рассматривать как основное территориальное ядро Северо-Восточной Руси. Нас интересовало сходство и отличия этих поселений от селищ на Белом и Кубенском озерах на северной периферии Руси. Характер последних к тому времени был уже достаточно прояснен разведками и раскопками. Мы не были пионерами поиска «сельских древностей» в центре Суздальской земли. К тому времени там уже было выявлено и обследовано несколько десятков поселений, но уровень документации памятников не удовлетворял ожидания археологии XXI в. Было необходимо получить более точные данные о размерах поселений, их датировке, ландшафтной приуроченности, характере локальных групп. Для этого требовались не выборочные поиски отдельных селищ, а сплошные разведки с полным картированием

всех следов Средневековья на выбранном для обследования участке. Мы полагали, что для выполнения нашей программы понадобится обследование участка площадью 30–50 км², на котором можно прогнозировать присутствие около десятка селищ.

Уже первый выход нашей группы на поля между Суздаlem и Владимиром показал, что концентрация материальных следов Средневековья здесь значительно выше, чем на других участках центральных и северных областей Европейской России, где нам прежде доводилось проводить археологические разведки. Фрагменты керамики домонгольского времени, выходы культурного слоя с пережженными печными камнями, отдельные бытовые и хозяйственные предметы эпохи Средневековья присутствовали здесь на открытой современной поверхности во многих местах: на территории исторических сел, где они залежали на больших площадях, на коренных террасах р.Нерли, на участках пашни у бортов многочисленных оврагов, прорезающих возвышенное плато. Они были представлены на тех участках, которые традиционно считались у археологов неперспективными для поиска памятников домонгольского периода, например на высоких водоразделах, в вершинах овражных систем. Археологические разведки в таких условиях — это зачастую не поиски почти невидимых следов Средневековья, требующие особой «зоркости» и специальных профессиональных навыков, а рутинное документирование больших массивов материала (прежде всего керамики), которые лежат прямо под ногами, на паш-

Обследование средневековых селищ в Суздальском Ополье.

Суздальское Ополе. Поселения IX—XV вв., выявленные и документированные экспедицией Института археологии в 2001–2017 гг. Серой заливкой показаны участки, охваченные сплошными обследованиями.

нях и деревенских огородах. Открытый ландшафт Ополя (в котором преобладающий элемент — это пахотные поля), до последнего времени сохранявший свой исторический облик без устройства новых поселков, оказался идеальным полигоном для выявления целостных пространственных структур Средневековья. Уже за первые два года мы обследовали

около 60 средневековых поселений, две трети из которых были выявлены впервые [4]. Этого материала оказалось достаточно для первых заключений об особом феномене Ополя как территории с исключительно высокой плотностью поселений, обусловившей историческую роль центра Суздальской земли как ядра Северо-Восточной Руси. Однако накопление материала открывало новые горизонты исследований: суздальские темноцветные почвы притягивают археологов с той же силой, с какой они притягивали древнерусских колонистов.

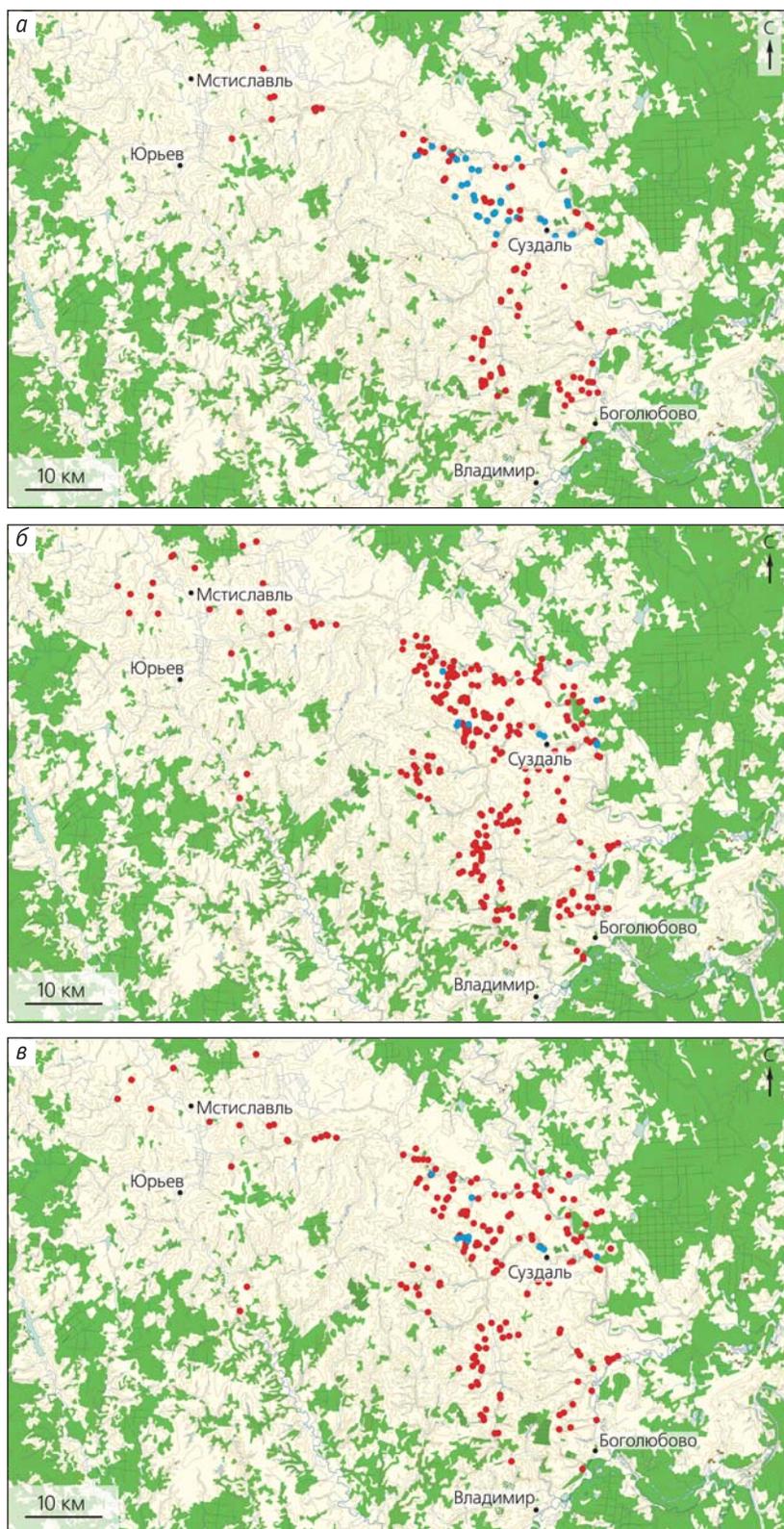
Сегодня Суздальское Ополе можно считать наиболее обследованной сельской территорией средневековой Руси, а выявленные здесь поселения образуют наиболее крупный массив. На возвышенности между реками Клязьмой и Селекшей документировано 340 поселений с культурным слоем железного века и Средневековья; при обследовании этих памятников собрано более 13 тыс. средневековых предметов из металла, стекла, камня, кости и рога и несколько десятков тысяч фрагментов керамики. Геомагнитная разведка, проведенная на 14 поселениях общей площадью около 90 га, позволяет составить представление об их планировке и вну-

Селище Гнездилово 2 — одно из крупных поселений X — начала XII в. вблизи Суздаля. Расположение его (красный пунктир) на возвышенности в верховьях небольшого оврага характерно для средневековых поселений в Ополе.

тренней пространственной организации без широких раскопок. Радиоуглеродные даты, полученные по образцам с 12 селищ, дают возможность проверить, а в некоторых случаях уточнить хронологические определения, сделанные на основании вещевых находок и керамики. При этом сплошными разведками пока охвачено не более 25% всей территории Ополя. Это значит, что открытые и зафиксированные археологами селища — меньшая часть реальной сети средневековых поселений, существовавших на этой территории.

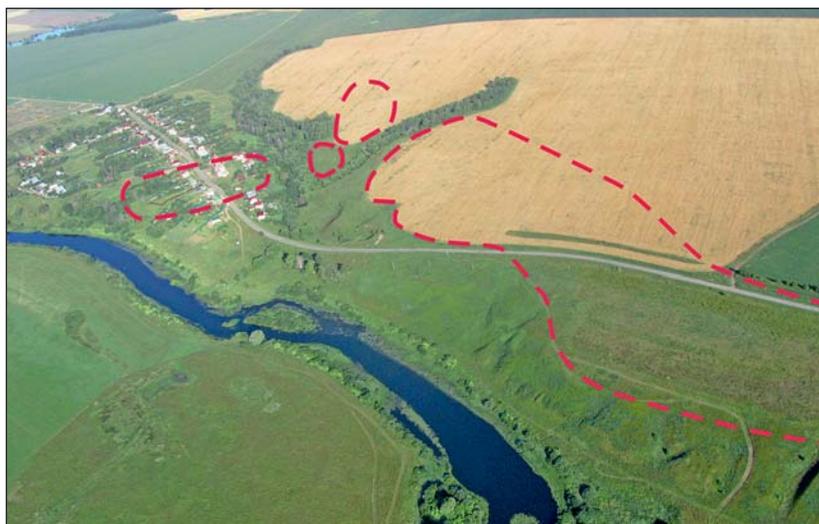
Феномен необычно высокой концентрации и стабильного долговременного развития поселений, возникших в X–XII вв. в центре Суздальской земли, сегодня уже хорошо известен. Крупные поселения на некоторых участках здесь удалены друг от друга лишь на 1.5–2 км. Средневековое расселение представляло собой не линейные системы, конфигурацию которых определяли долины рек (что обычно для конца 1-го — начала 2-го тысячелетия н.э. в лесной полосе), а сплошную сеть поселений, охватывавшую долины малых рек и водораздельные участки. Очевидно, эта плотность объясняется особым характером почв, создававшим условия для сплошного земледельческого освоения территории. Отсюда и значительные размеры поселений, для именованя которых в актах и писцовых книгах в XIV–XVII вв. использовался термин «село». Средние размеры сельских поселений в Ополе были значительно большими, чем в других областях Северо-Восточной Руси. Эти наблюдения были сделаны в 2000-х годах и подкреплялись новыми материалами по мере продолжения обследований. Однако полевые работы последних лет добавили много нового к тому, что уже было известно ранее, и способствовали более точному прояснению своеобразия исторического развития Суздальской земли в X–XV вв.

Этапы развития расселения в Суздальском Ополе. *а* — X–XI вв.; *б* — середина XII — первая половина XIII в., *в* — вторая половина XIII — XV в. Условные обозначения: красный кружок — поселения, датировка которых основывается на больших сериях хроноиндикаторов; синий кружок — поселения, чья датировка основывается на единичных хроноиндикаторах.

Монеты, гирьки для малых взвешиваний, крест, женские украшения, ременные накладки и наконечники поясов, фрагменты замков и ключей. Селище Гнездилово 2. X — начало XII в. Материалы полевых работ Института археологии РАН.

Комплекс средневековых поселений у с. Васильково на р. Нерли. Красным пунктиром отмечены границы поселений середины XII — первой половины XIII в. — времени максимального расширения территории.

Внутренние коллекции средневековых украшений, бытовых вещей, орудий труда и керамики и радиоуглеродные даты — надежная основа для датирования поселений и реконструкции динамики развития сельского расселения на левобережье Клязьмы. Среди собранных материалов можно выделить хроноиндикаторы трех периодов: X–XI вв., XII — первой половины XIII в. и второй половины XIII — XV в.

Датирующие находки X–XI вв. идентифицированы на 88 поселениях. Поселения X–XI вв. выявлены на возвышенности, тянущейся почти на 90 км с юго-востока на северо-запад, от низовьев Нерли до Селекши, почти на всей территории Ополя. Наиболее высокая концентрация поселений отмечена в центральной и южной части Ополя, но, возможно, эта картина отражает меньший охват полевых работ северо-западной части опольских земель.

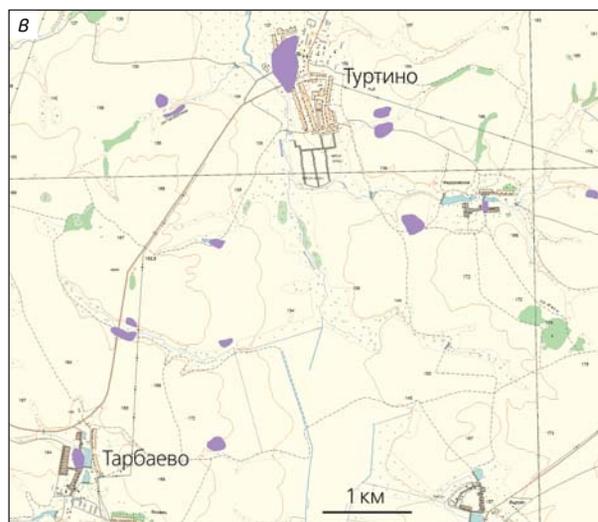
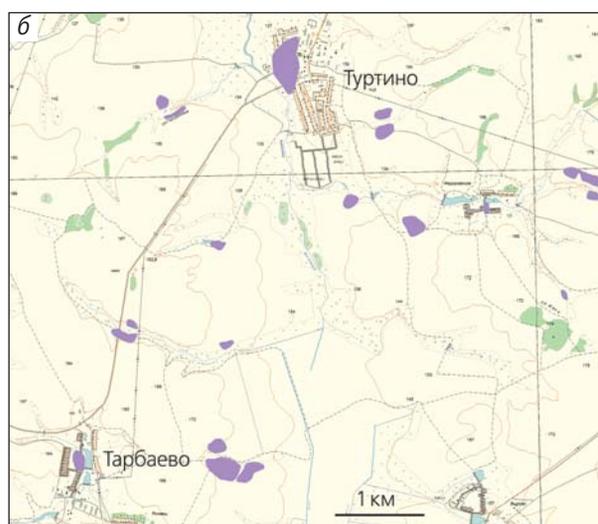
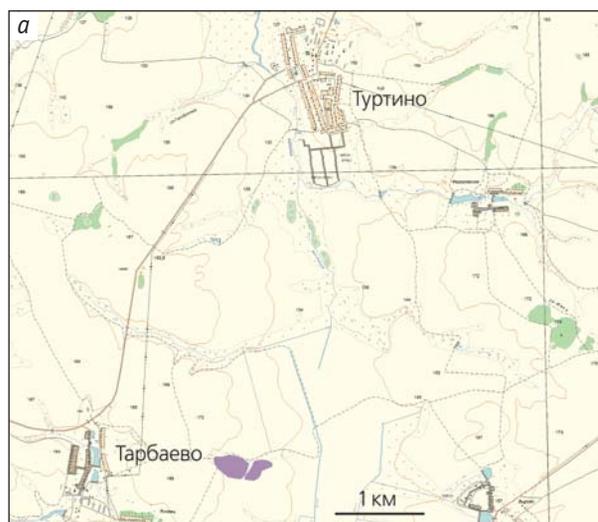
Достоверные хроноиндикаторы XII — первой половины XIII в. представлены на 278 селищах, т.е. количество поселений в этот период увеличилось втрое по сравнению с предыдущим. Произошло уплотнение сети поселений на всех ранее освоенных участках и распространение ее на смежные территории, на которых селища с находками керамики X–XI вв. не зафиксированы. Во второй половине XIII — XV в. общее количество поселений сокращается почти на сотню (их всего 183). При этом пространственное распределение поселений не претерпело существенных изменений: селища с находками второй половины XIII — XV в. сосредоточены в тех же микрорегионах, что и памятники с находками предшествующего периода. Большинство поселений того времени — не вновь возникшие, а старые поселения, продолжающие свою жизнь с XII — первой половины XIII в.

Очевидно, что карты отражают состояние расселения в тот или иной период в самом грубом виде, они не могут передать индивидуальную историю отдельных микрорегионов, особенности становления и развития различных поселков, неполную синхронность археологических памятников, отмеченных на одной карте. Так, объединение на одной карте селищ с находками X–XI вв. не означает, что мы имеем дело с поселениями, одновременно возникшими в начале X в. и продолжавшими существование до конца XI в. У каждого из них могла быть своя линия жизни с собственными рубежами становления, стабильного развития и запустения. Однако группировка материала в крупные хронологические

кие блоки позволяют увидеть макропроцесс, общую динамику формирования и развития сети расселения в центральной части Северо-Восточной Руси, а также они впервые дают возможность представить некоторые количественные данные, характеризующие ее состояние в различные периоды. Археология фиксирует становление новой сети расселения в X–XI вв. на значительных участках левобережья р.Клязьмы. Преемственное развитие этой сети лежит в основе дальнейшей истории Ростово-Суздальской земли. Новые археологические материалы раскрывают период XII — первой половины XIII в. как время бурного роста, максимального расширения поселений и уплотнения их сети, сплошного освоения водоразделов. Эти характеристики в полной мере соответствуют исторической картине Северо-Восточной Руси той эпохи как богатой и бурно развивавшейся территории с влиятельными правителями, строителями городов и белокаменных соборов, стремившимися к доминированию на общерусской политической сцене. Амбициозная политика Андрея Боголюбского проводилась с опорой на мощные экономические и демографические ресурсы опольских земель, сформировавшиеся за короткий период XI — первой половины XII в. незадолго до вокняжения Андрея во Владимире. Сокращение количества поселений во второй половине XIII — XV в. на треть — важный показатель снижения экономического потенциала, уменьшения численности населения. Упадок не носил катастрофического характера и проявился на сельских территориях с меньшей силой, чем в городах, в частности во Владимире, где культурный слой второй половины XIII — XV в. на многих участках вовсе отсутствует. Очевидна связь этого процесса с монгольским разгромом 1238 г., повторным появлением татарских отрядов во Владимирских землях в 1252, 1281 и 1293 гг. [5, с.106–107] и с общей политической ситуацией, не благоприятствовавшей восстановлению старых центров.

Общая картина трансформаций может быть дополнена историко-географическими экскурсами по материалам отдельных микрорегионов, выделяющихся наибольшей полнотой сохранности памятников. Так, обследование участка правобережья Нерли в районе сел Васильково и Мордыш открывает историю становления здесь в X–XI вв. одного из центров древнерусского расселения (селище площадью 6 га), формирования на его основе в XII — первой половине XIII в. крупной агломерации сельских поселений (площадь более 23 га) и их запустения в середине XIII в., когда единственным наследником агломерации оказалась небольшое поселение на территории современного села, площадь которого составляла лишь 10% от площади поселенческого комплекса домонгольского времени.

История расселения в верховьях р.Рпень в районе современных сел Тарбаево и Туртино раскры-

Средневековые поселения на правобережье р.Нерли в верховьях р.Рпени на территории сел Туртино и Тарбаево. На картах показано расселение трех хронологических периодов: а — X–XI вв., б — XII — первой половины XIII в. и в — второй половины XIII — XV в.

Селище Кистыш 3. Двусторонняя каменная иконка с изображениями святых. Вторая половина XII — первая половина XIII в.

вается как формирование в XII — первой половине XIII в. сети небольших поселений (17 селищ) на овражных системах, основой которых был первоначальный компактный поселенческий узел второй половины X — XI вв., и снижение интенсивности жизни во второй половине XIII — XIV в., когда число поселков на оврагах сократилось, а площадь центрального поселения уменьшилась в три с половиной раза. Динамика освоения территорий с максимальным ростом числа и размеров поселений в XII — первой половине XIII в. и последующим во второй половине XIII — XIV в. спадом интенсивности жизни повторяется во многих микрорегионах, но варьирует в деталях.

Важнейшим археологическим свидетельством формирования властных отношений в средневековых обществах традиционно считается появление укрепленных поселений. При изучении средневековой Руси археологи с 1930-х годов обращались к городищам как к памятникам, изучение которых в перспективе раскрывает историю формирования социальной элиты, новых социально-экономических отношений и новых политических институтов. Полевые работы на территории Ополя показали, что в центре Суздальской земли практически нет городищ с земляными укреплениями X—XI вв. и представлены лишь единичные городища с укреплениями XII в. (Семьинское, Чаша, Мстиславль). Часть объектов, которые ранее рассматривались археологами как городища, в действительности оказались природными объектами или неукрепленными поселениями. Древнерусский культурный слой присутствует в Ополе на трех городищах железного века, однако скромные размеры этих памятников и характер находок из средневекового культурного слоя не дают оснований считать, что эти поселения имели особый статус и особые функции. В этих случаях мы имеем дело с повторным заселением участков в условиях высокой плотности населения, когда размещение дворов на мысах береговых террас, некогда защищенных валами, было есте-

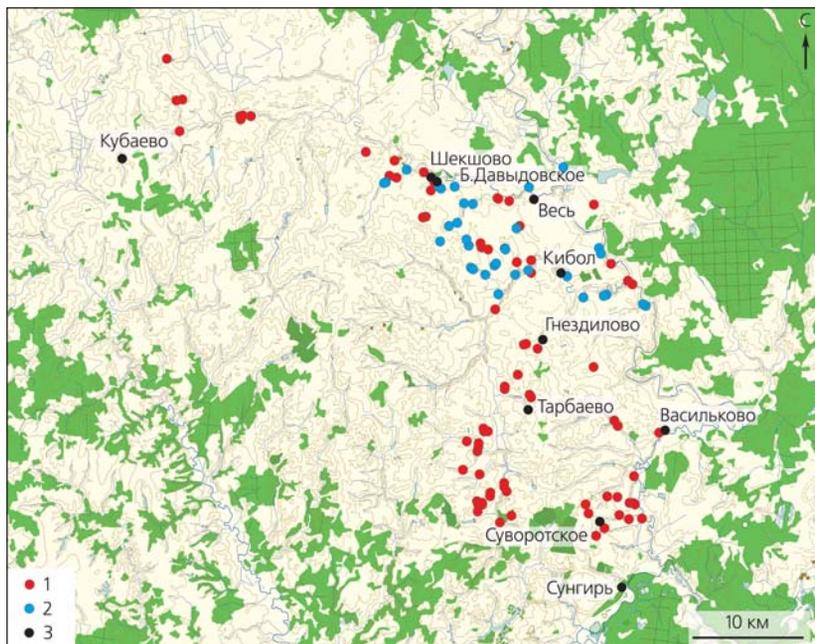
ственным. Все поселения с земляными валами XII—XIII вв. в Ополе, кроме двух (Чаша и Семьинское), — это княжеские города и крепости: Суздаль, Владимир, Юрьев, Мстиславль, Боголюбово. Где же искать дворы суздальской знати — «старой чади» (упомянутой в летописной статье 1024 г., в которой рассказывается о мятеже во время голода) или княжеских бояр, дружинников и слуг (упоминаемых в летописи при описании событий XII — первой половины XIII в.)? Следует ли полагать, что их усадьбы находились исключительно внутри валов не-

многочисленных княжеских городков и крепостей? Следует ли считать, что Суздаль, единственный город на левобережье Клязьмы до конца XI в., был в то время также единственным центром становления новых форм экономики и сосредоточения социальной элиты?

Знакомство с вещевыми коллекциями, собранными при обследовании суздальских селищ, показывает, что в них представлены не только обычные бытовые вещи, орудия труда и украшения (соответствующие нашим представлениям об уровне благосостояния, образе жизни и повседневных занятиях сельчан), но и предметы престижного потребления, украшения, выделяющиеся высоким художественным качеством. Есть в них предметы христианского культа со сложной символикой, а также фрагменты защитного доспеха и предметы снаряжения коня и всадника, декорированные медью и серебром. Особенно неожиданными кажутся книжные застёжки, стили для письма (хорошо знакомые археологам по раскопкам в Новгороде и других городах) и вислые свинцовые печати, скреплявшие официальные документы. Эти находки немногочисленны, но и не единичны, их количество увеличивается с каждым годом при продолжении полевых работ. С сожалением приходится признать, что многие предметы этого круга уже извлечены из культурного слоя нелегалами с металлодетекторами и потеряны для науки. Правомерно полагать, что эти предметы, большая часть которых относится к XII—XIII вв., — свидетельство присутствия на сельских поселениях нерядового населения, древнерусской знати. В настоящее время в Ополе известно более 30 поселений с наборами вещей, атрибуция которых как маркеров социальной элиты кажется достаточно аргументированной. Очевидно, на суздальских селищах в XII—XIII вв. стояли не только дворы простолюдинов, но и усадьбы бояр и княжеских слуг, огороженные частоколами. Остатки такой ограды были выявлены в 2006 г. при раскопках на селище Кистыш 3, из культурного слоя ко-

торого происходит внушительная серия престижных вещей, фрагменты защитного доспеха и резная каменная иконка.

Значительно более сложны для историко-социологических интерпретаций сеть расселения и поселенческие комплексы X–XI вв., которые отражают первоначальное структурирование исторического ядра Суздальской земли. На основании сравнительного изучения вещевых коллекций X–XI вв. и анализа полевой документации, составленной по материалам многократных обследований селищ с находками этого времени, среди всей массы средневековых памятников Северо-Восточной Руси выделен особый тип — «большие поселения» X–XI вв. [6]. Необходимость выделения обусловлена тем, что данные памятники — неукрепленные поселения больших размеров (площадь более 4 га) со следами производ-

Поселения X — XI вв. в Суздальском Ополе. Условные обозначения: 1 — поселения X–XI вв., датировка которых установлена на основании больших серий хроноиндикаторов; 2 — поселения, датированные в широких хронологических рамках, которые включают X–XI вв.; 3 — большие поселения.

Монеты, гири для малых взвешиваний, крест, женские украшения, ременные накладки и наконечники поясов, фрагменты замков и ключей. Селище Шекшово 2. X — начало XII в. Материалы полевых работ Института археологии РАН.

Селище Кибол 5 — одно из сельских поселений, остатки которого открыты раскопками. Оно демонстрирует тысячелетнюю преемственность развития: современная деревня сложилась на основе большого поселения второй половины X — XI в.

Фото В.В.Кощеева

ственной деятельности, находками предметов, связанных с дальней торговлей, и престижных вещей, и многокомпонентным характером культуры, включающей элементы, принадлежащие различным этническим традициям, — не могут рассматриваться ни как раннегородские структуры, ни как обычные сельские поселения, центры сельских округов. К этой группе отнесено 10 достаточно полно документированных поселенческих комплексов, на которых были собраны большие вещевые коллекции (от 160 до 3250 предметов), определяющие их хронологические рамки, которые характеризуют культуру, потребление и хозяйственную деятельность.

Для понимания особого характера этих объектов существенно определение размеров участков с культурным слоем X–XI вв.: площади их составляют от 4 до 15 га. Суздальские «большие поселения», таким образом, — это крупные образования, соразмерные тем памятникам, за которыми закрепился статус важнейших центров торговли и политической организации X в. на Русской равнине (Новгородское, или Рюриково, городище — 7 га, Ладога — 8 га, Гнездово — 30 га, Сарское городище — 3 га). Расстояния между ближайшими крупными поселенческими комплексами X–XI вв. со-

ставляли от 6 до 14 км. Значит, хозяйственные зоны и возможные зоны административного управления «больших поселений» были невелики. Вещевые коллекции, собранные на этих поселенческих комплексах, исключительно богаты и разнообразны по своему составу и включают украшения и металлические детали костюмов, бытовые вещи, орудия труда и предметы вооружения. Наборы женских украшений характеризуются сочетанием шумящих изделий поволжско-финского облика, украшений балтийского или северо-западного происхождения и отдельных вещей славянских и скандинавских типов. Включение «больших поселений» Суздальского Ополя в систему товарно-денежных отношений документировано множественными находками восточных, западноевропейских и византийских монет, торгового инвентаря [7] и завозных товаров.

* * *

Таким образом, выход Северо-Восточной Руси на историческую арену в IX–X вв. сопровождался становлением особого типа поселений со сложной комплексной экономикой и, вероятно, неоднородным этническим составом обитателей. Эти поселе-

ния сложились в тот период, когда Суздаль еще только формировался как городской центр, и выступали как места сосредоточения значительной части населения Суздальской земли, в том числе социальной элиты. Определение этих поселений как «сельских» не отражает их место в экономике и культурный облик, поскольку производство аграрных продуктов было лишь одним из направлений их хозяйственной деятельности, а их культура близка раннегородской. Характер вещевых находок позволяет полагать, что «большие поселения» были основными центрами формирования новых социальных отношений и накопления богатств в X–XI вв. и составили основной территориальный каркас Суздальской земли в тот период. Как особый тип, как носители специфических форм экономики и культурных традиций, «большие поселе-

ния» перестали существовать в начале XII в., но реальное существование многих населенных пунктов продолжалось много долее.

Археология «негородских поселений» Руси — это не изучение «задника» исторической сцены, на которой происходили основные события политической истории X–XIII вв. Взгляд за городские валы, широкий пространственный охват исторических территорий, выявление и систематизация памятников, еще недавно казавшихся заурядными, позволяет преодолеть стереотипы в нашем понимании ранней истории Суздальской земли и исследовать сложные механизмы становления и развития новых социумов, энергия и амбиции которых выдвинули Северо-Восточную Русь на политическую арену и во многом определили своеобразие ее исторического лица. ■

Литература / References

1. Ruralia XI: Religion, cult and rituals in medieval rural environments. Bis-Worch Ch., Theune C. (eds.). Leiden, 2017.
2. Сельская Русь в IX—XVI веках. Отв. ред. Макаров Н.А., Чернецов А.В. М., 2008. [Rural Rus' in the 9th—16th cc. Makarov N.A., Chernetsov A.V. (eds.). Moscow, 2008. (In Russ.)]
3. Археология севернорусской деревни: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Отв. ред. Макаров Н.А. В 3 т. М., 2007—2009. [The Archaeology of the Rural Areas of Northern Rus' 900–1300. Makarov N.A. (ed.). V.1–3. Moscow, 2007–2009. (In Russ.)]
4. Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В. Сельское расселение в центральной части Суздальской земли в конце I — первой половине II тыс. н.э.: новые материалы. Русь в IX—XIV вв.: взаимодействие Севера и Юга. Отв. ред. Макаров Н.А., Чернецов А.В. М., 2005; 196–215. [Makarov N.A., Leontiev A.E., Shpolianskij S.V. Rural settlement in the core area of Suzdal' region in the end of the 1st — the first half of the 2nd millennia AD: new data. Rus' in the 9th—14th cc.: interaction of the North and the South. Makarov N.A., Chernetsov A.V. (eds.). Moscow, 2005; 196–215. (In Russ.)]
5. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. [Kuchkin V.A. The formation of the state territory of the North-Eastern Rus' in the 10th—14th cc. Moscow, 1984. (In Russ.)]
6. Макаров Н.А., Федорина А.Н. Феномен «больших поселений» Северо-Восточной Руси X—XI вв. Краткие сообщения Института археологии. 2015; 238: 115–131. [Makarov N.A., Fedorina A.N. The Phenomenon of the large unfortified dwelling sites in the North-Eastern Rus' in the 10th—11th cc. Brief communications of the Institute of Archaeology: Issue 238. 2015; 115–131. (In Russ.)]
7. Макаров Н.А., Гайдуков П.Г., Гомзин А.А. Серебро на селищах: монеты и торговый инвентарь IX—XI вв. в Суздальском Ополе. Российская археология. 2016; 4: 48–74. [Makarov N.A., Gaidukov P.G., Gomzin A.A. Silver at the dwelling sites: coins and trade equipment in Suzdal' Opolie in the 9th—11th cc. Russian archaeology. 2016; 4: 48–74. (In Russ.)]

At the Cradle of the North-Eastern Rus'

N.A.Makarov

Institute of Archaeology, RAS (Moscow, Russia)

Three hundred and fifty medieval dwelling sites, discovered and surveyed in Suzdal' Opolie region in the recent decades, constitute the largest corpus of medieval unfortified settlements, documented on the territory of Rus' with the implementation of the modern research techniques. Field investigations at the sites were conducted by the team from the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Thorough examination of these sites, insight into their chronology and spatial distribution of the settlement network, reveal important aspects of the rise of the North-Eastern Rus' in the Viking period. Thus we get the background for the reconstruction of the settlement structure in the core area of the North-Eastern Rus' with its special features and for the study of settlement dynamics in the late I — the first half of the II millennium AD.

Keywords: Medieval Rus', medieval dwelling sites, archaeological surveys, settlement patterns, cultural landscapes, Suzdal' Opolie, colonization dynamics, social elite, power relations.